

Виктор Волчков

Амурская кладовая

лесные рассказы

Благовещенск

2023

ОЛЕСЯ И ЧЕТЫРЕ МЕДВЕДЯ

М

есто для стоянки мы выбрали у подножия довольно крутой сопки, спустившейся к самой речке Тыгде. Вся сопка была в соснах: стройных, высоченных, какие

принято называть мачтовыми или корабельными¹. Правда, дров в таких чистых местах всегда маловато. Но ничего, успокаивали мы сами себя, тайга большая, какую-нибудь сухостоину² неподалёку все равно отыщем! Вскоре вспыхнул костёр, вкусно запахло ухой, свежесваренным чаем. А сразу после ужина уже всерьёз взялись за заготовку дров – ночь обещала выдаться холодной.

Глухо раздались в притихшей осенней тайге удары топора. И, словно откликаясь на них, с противоположного берега реки, из глубины леса, донёсся собачий лай. Отчетливо различались два голоса: один низкий и

¹ Корабельные, или мачтовые сосны – именуются так благодаря высокому, прочному и прямому стволу, который идеально подходит в качестве мачты парусного судна. К возрасту 80-100 лет достигают высоты около 40 м.

² Сухостоина – засохшее на корню дерево или ветвь кустарника.

хриплый – матёрой собаки, другой позвонче, помоложе. Откуда здесь взяться собакам? У костра мы принялись разглядывать карту. До ближайшего посёлка не меньше сотни километров. Может, это остановились на ночлег охотники? Но утиная охота уже закончилась, а на боровую дичь¹ – не началась. И какой им смысл табориться вдали от речки?.. Так и не получив ответа на эти вопросы, у костра и уснули. И всю ночь то и дело слышался лай собак, которые явно чуяли наше присутствие.

Проснулись вместе с солнцем. Попили чаю, собрались и, не мешкая, оттолкнулись от берега. Путь предстоял неблизкий, а десятидневный спуск на «резинке» по этой таёжной речушке уже начал надоедать. Примерно через час подплыли к заброшенному посёлку лесозаготовителей Усть-Тыгде. Лес в этих краях валили на протяжении полувека, в годы интервенции² здесь одно время хозяйничали японцы. От интенсивных лесозаготовок запасы истощились, и посёлок прекратил своё существование. Люди перебрались кто в Ураловку, кто в Овсянку, кто в город Зею. Дома большей частью оказались невывезенными. И ничего не осталось им, как смотреть на мир пустыми глазницами выбитых окон...

Неподалёку от впадения Тыгды в Зею замечаем на берегу фигуру человека. После многодневного путешествия это в радость. Подплываем. Знакомимся с инженером-таксатором³ Амурской лесоустроительной экспедиции Александром. База его отряда находится на реке Оргуллек, устье которой мы миновали полчаса назад. Пройти по реке от самых верховий до устья и не побывать у лесоустроителей в гостях, конечно же, было бы непростительно. И вот мы шагаем с Александром по довольно хорошей дороге, уходящей в сторону Кухтерино

¹ Боровая дичь – к боровой дичи относятся лесные птицы, то есть птицы, живущие в бору. Традиционно к боровой дичи относят трёх представителей отряда куриных – глухаря, тетерева и рябчика, а также одного кулика – вальдшнепа.

² Интервенция – агрессивное, преимущественно вооружённое вмешательство одного или нескольких государств во внутренние дела другой страны.

³ Инженер-таксатор – инженер, который организует и проводит мероприятия по таксации леса: определяет объем срубленных и растущих деревьев, запасы насаждений и прирост как отдельных деревьев, так и целых насаждений.

Луга. Перед водоразделом дорога раздваивается. Сворачиваем на ту, которая ведет к Оргулеку.

Александр вдруг остановился и показал на медвежьи следы. Среди них были и крупные, и помельче. «Так возле лагеря и крутятся, – пробормотал он. – Ничему тогда не научились». Было не до расспросов, и мы заторопились дальше. Прошли с полкилометра и упёрлись в небольшую, ладно срубленную избушку, возле которой располагалось несколько палаток. Это и была база лесоустроителей. Навстречу нам метнулись две лайки: широкогрудые, ухоженные, хвосты закручены в кольцо. По лаю определили: минувшую ночь спать не давали именно они.

– Мы тоже всю ночь бодрствовали, – улыбнулся Александр. – Всякое передумали. Гршили на медведей: не снова ли к нам в гости нацелились.

– На каких медведей?

– Да на тех, чьи следы вы видели. Они на днях всем семейством сюда нагрянули... И вот что он рассказал.

Несколько дней назад, вместе с рабочими и техником, он ушёл в маршрут. На базе остались его жена Ольга и приехавшие погостить к нему на дни летних каникул их дети – семиклассница Олеся и пятиклассник Дима, а также повар отряда Лукьяныч. Единственное оружие, которое имелось на весь отряд лесоустроителей, – семизарядный наган – взял с собой Александр.

Медведи пожаловали в лагерь вскоре после их ухода. Зверей было четверо: громадная медведица, пестун-второгодок¹ и два забавных маленьких медвежонка.

Считанные метры отделяли медведей от избушки, когда Амур и Айка (так звали лаек) были спущены с поводков: надо было принимать хоть какие-нибудь меры безопасности. От собак медведица бросилась в кусты, пестун за ней, а медвежата вскарабкались на высоченную разлапистую лиственницу, что склонилась над ручьём неподалёку от камералки².

¹ Пестун – медвежонок в возрасте двух-трёх лет, оставшийся при мечке (медведице-матери своей) и нередко сходящийся с нею.

² Камералка – место, где проводится камеральная (лабораторная) обработка материалов, полученных во время полевых исследований.

В лагере лесоустроителей, тихом и спокойном ещё несколько минут назад, обстановка сразу преобразилась. Метрах в двадцати от избушки то и дело взрывала, напоминая о себе, медведица. Несколько раз к лиственнице, где сидели медвежата, пробовал прорваться пестун, но, атакуемый собаками, откатывался назад. Лукьяныч взялся за топор, попробовал лезвие пальцем: острый! Может, и придётся пустить его в ход: кто знает, как ситуация повернётся... У Ольги выступили на лбу капельки пота: так волновалась она за своих ребяташек!

А те, надо заметить, вели себя достойно. Димка позже скажет, что если бы у него в тот момент было ружьё, он бы этим медведям показал. А Олеся... хохотала! Её сместили и разгневанная медведица, с приличного расстояния руководящая операцией по спасению своих малышей, и задиристый подросток-пестун, и забравшиеся на дерево медвежата. Олеся первой и разрядила обстановку.

– Да привяжите вы Амура и Айку! – крикнула она Лукьянычу. – А то медвежатам ни за что не слезть с дерева.

Когда собак кое-как удалось приструнить и привязать, один из малышей-медвежат кубарем скатился с дерева и бросился к маме. Второй же спустился ниже, устроился в развилке дерева и оттуда продолжал наблюдать за разыгравшимся спектаклем. Но тут снова совершил свой челночный рейд к лиственнице пестун. Завидев рядом старшего собрата, и второй медвежонок наконец покинул дерево. По удаляющемуся треску сучьев можно было догадаться, что медведи удирают. И через несколько минут в лагере снова воцарилась тишина: слышно стало гудение комаров, теньканье синичек, бормотание ручья на перекате.

– Вот видите! – торжествуя воскликнула Олеся. – Я же вам говорила!..

Ну а если бы медведи пожаловали в лагерь, когда все лесоустроители были в сборе? Наверняка Александр взялся бы за наган – семью надо защищать! – а медведица тоже не дала бы в обиду свое потомство... Да даже и без того – кто знает, насколько бы ещё хватило её терпения сидеть в кустах, дожидаясь своих деток и слушая злобный лай? Словом, визит косолапых к лесоустроителям мог бы завершиться трагедией. Если бы не подсказанный четырнадцатилетней девочкой простой выход. Дела надо решать мирно!

ПУШИСТЫЙ БАРОМЕТР

М

ы объездили в тот день с десяток марей¹, пересекли уйму водоразделов, прочесали немало крепей² и буреломов. Но безрезультатно: косуль и в глаза не

видели. Подумывали уже и о возвращении в город Зею. И тут напарник мой, Владимир, предложил:

– Давайте заедем к манегру. Чайку попьём... Может, старик насчёт завтрашней охоты что-нибудь подскажет. Здешние места он знает куда лучше нас...

– Далеко это?

– Да нет, километра четыре отсюда, на берегу Арби. Раньше там был посёлок, манегры в нём жили. Одна из ветвей эвенкийской народности.

– Наверно, все уже повымерли?

¹ Марь – в переводе с эвенкийского – поросль карликовой берёзы, болото, т.е. заболоченная местность, покрытая редкостойным угнетённым лиственничным лесом, перемежающимся с участками безлесных болот.

² Крепь – временное искусственное сооружение, возводимое для предотвращения обрушения окружающих горных пород в горных выработках.

– Один старик и остался, – вздохнул напарник. – Зовут Иннокентий, а фамилию не знаю. Да он и сам, пожалуй, её не помнит. Живёт, как дышит: просто и бесхитростно. Жаль, что вымер этот народец. Иннокентий, пожалуй, «последний из могикан»...

Наша «Нива» свернула с накатанной лесовозной дороги, перебралась через ещё не полностью застывшую речку Арби, поднялась на террасу. Взору открылась поляна с почерневшими от времени, покосившимися домами. Над одним из них вилась робкая струйка дыма.

– Жив курилка! – облегчённо вздохнул мой товарищ.

Я приготовился увидеть пусть пожилого, но крепкого, кряжистого лесовика: всё же для житья одному в этой суровой местности нужны силы, слабому здесь делать нечего. Но дверь открыл сухонький, небольшого роста старичок, белый, как полярная сова.

– Здравствуй, Иннокентий! – Владимир снял шапку. То же самое повторил следом и я.

– Проходите, садитесь чай пить, – засуетился хозяин. – Только вот заварки у меня маловато.

– У нас имеется. Даже оставить можем...

Чай заварили на славу. Пили горячим, обжигаящим губы и даже желудок. Поговорили о погоде, коснулись охотничьей темы.

– Совсем не стало дичи, – сокрушался старый манегр. – Раньше косули прямо к крыльцу подбегали, вместе с лошадьё сено ели. От зайцев житья не было, весь тальник погрызли. И лоси на марях водились. А сейчас целый день ходи впустую.

– Так и есть, – поддакивал Владимир. – Мы вторые сутки по тайге мотаемся, а дичь в глаза не видели.

– Плохо стало, – кивал манегр.

За разговорами стемнело. Поднялись из-за стола, пора было ехать. Но, как говорил Штирлиц, запоминается только последнее слово, о чём товарищ мой, конечно же, знал. И о главном он сказал, когда мы прощались со стариком на крыльце.